

© 2014 г.

Константин Микульский

член-корреспондент РАН

советник РАН

директор Международного научно-исследовательского

института социального развития

(e-mail: socpol@mail.ru)

ЭКОНОМИКА РОССИИ И ПРОТИВОРЕЧИЯ ЕЕ ОБЩЕСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА

Рассматриваются особенности кризиса российской экономики, обусловленные прежде всего спецификой российской общественной системы. Этот кризис можно смягчать, но нельзя преодолеть без смены экономической модели, которая в современных условиях по большому счету невозможна. Сложившаяся элита не ориентирована на требования народнохозяйственной рациональности, экономической эффективности и социальной справедливости. Излагаются некоторые фундаментальные черты российской экономической системы, преодоление которых стало исторической необходимостью.

Ключевые слова: кризис, общественная система, элита, смена модели экономики.

Для России начинаются особенно сложные времена. Нет масштабного концептуального видения того, как в ближайшие годы обеспечить позитивное развитие страны. Резко сужаются возможности привлечения ресурсов роста. Ставится под угрозу существующая, в какой-то мере приемлемая, система социальных гарантий. Проводится политика непоследовательного реагирования на текущие негативные процессы. Большинство проблем общественного развития не получают долговременного удовлетворительного решения. Появляются и новые острые проблемы, пути решения которых остаются нередко спорными или даже вообще малоосмысленными. Более того, не накапливается достаточного опыта их хотя бы постепенного решения.

Расчистка путей развития страны от многих препятствий блокируется субъективными и объективными факторами, устранить которые трудно из-за того, что они порождены общественной системой, имманентны ей. Конечно, сильно сказываются снижение цен на главный экспортный продукт России – топливно-энергетические ресурсы, валютные катаклизмы, «война санкций», трудности в процессе интеграции стран СНГ, не говоря уже о последствиях мирового кризиса, сильнее затронувшего Россию, чем многие другие страны.

Налицо кризис, но не подобный циклическому, преходящему и преодолеваемому либо государственной отладкой существующих или обновляемых механизмов функционирования экономики, либо изживаемому в

процессе саморегулирования рынка. Нынешний же российский кризис – системный, вытекающий из неадекватности системы требованиям развития общества и ее неспособности к позитивной эволюции. Он базируется на глубоком конфликте интересов элиты и задач общественного прогресса, на превращении части элитных кругов в его выгодоприобретателей.

Страна так выстраивала весь процесс постсоциалистического преобразования общества, что не смогла избежать формирования этого глубокого конфликта и до сих пор не может преодолеть его. Такая ситуация быстро складывалась с начала 90-х гг. XX в. и в полной мере утвердилась в последние полтора десятилетия.

Более того, выскажу мнение, что нынешнее состояние и непредсказуемость обозримого будущего вполне можно рассматривать как продолжение пути, начатого октябрьским переворотом 1917 г.

Как бы ни были велики грандиозные свершения прошедших с того времени 70 лет (на фоне не менее масштабных преступлений власти), как бы ни была очевидна стойкость народа в период Великой Отечественной войны, как бы ни очевиден был экономический и культурный прогресс страны за годы социалистического строительства, бесспорно и то, что страна жила в условиях политической диктатуры, экстенсивного типа воспроизводства, идеологического монополизма при в целом низком уровне жизни населения.

Так и не были созданы механизмы перехода в постиндустриальную эпоху, совершаемого миром, господствовавшая идеология не сформировала реалистической (а не коммунистической) концепции будущего, не порвала со сложившейся системой государственного подавления человека и общества. В результате общество не обеспечило необратимости тех позитивных тенденций, которые проявились с началом перестройки, не выдвинуло критической массы лидеров, освобождающихся от порочных черт социалистического прошлого, а, напротив, сохраняло условия для движения вспять, практиковало негативную вертикальную мобильность кадров, двигалось к обществу консервативного фундаментализма, несущего в себе угрозу нового тоталитаризма.

Великой исторической драмой России стала не суверенизация республик бывшего СССР, а быстро произошедший провал попытки кардинально обновить общественное устройство, заменить так называемый социализм, какового в высшем гуманистическом смысле так и не получилось. Его место заняло общественное устройство, позволившее реализовать явно или подспудно наиболее корыстные и несовместимые с социальной справедливостью интересы возникшей старо-новой правящей элиты. Суть этих интересов – потребности в неподконтрольности власти обществу, тотальное господство над ним, а в экономической сфере – потребности за-

менить советский «колхозно-элитный» тип собственности собственностью индивидуализированной и сконцентрированной в руках той же элиты.

Кстати, тяга правящих кругов к реализации такой потребности, к вызывающе открытому, а не частично маскируемому, как прежде, присвоению общественного богатства стала складываться с самого начала социалистического строительства и получила наиболее масштабное проявление в начале XXI в.

Элита создала общественную систему, которую можно назвать бюрократическим капитализмом. Как бы ни велико было негативное влияние на Россию мирового экономического кризиса и падения цен на сырьевой экспорт России (кстати, были времена, когда эти цены были даже гораздо ниже), но это не создавало такого сильного отрицательного эффекта, как сегодня. Решающими факторами стали сырьевой тип российской экономики, ее невключенность в мировые инновационные процессы. Эти и другие негативные стороны российской экономики закрепились настолько, что их будет все труднее преодолевать. Несмотря на потрясения в экономике западных стран, Россия сейчас продолжает уступать западному социализируемому капитализму и в экономике, и в других сферах общественной жизни.

Нельзя отрицать, что на отдельных предприятиях и в отдельных отраслях в России происходят заметные позитивные сдвиги, что появляются руководители, способные и в нынешних условиях развивать производства в ненефтяном секторе. Однако это не меняет общей картины и не ведет к перелому экономических тенденций в лучшую сторону. В целом элита чрезвычайно активна в реализации своих частных интересов, но не проявляет или проявляет мало инициативы для решения общественных проблем. Ее реакция на усиливающиеся негативные тенденции отстает от требований времени, противоречива, часто не конструктивна.

Правда, очевидны активизация в последнее время российской экономической политики, по крайней мере на концептуальном уровне (требования «сойти с нефтяной иглы»), стремление внедрить в управление экономикой комплексно-целевой подход и т. д. Разработано немало федеральных, отраслевых и региональных программ экономического подъема. Эти программы периодически дорабатывались, в них стало больше места отводиться способам их реализации, но ситуация кардинально не менялась. Правящие круги, как и хозяйственные руководители на более низких уровнях, так и не получили сильных стимулов, побуждающих их следовать требованиям народнохозяйственной рациональности, экономической эффективности и социальной целесообразности, несмотря на более заметно возросшую требовательность высшего руководства. Видимо, общественное устройство, базирующееся на слиянии власти и собственности на всех уровнях, широкие возможности направлять государственные решения на

удовлетворение личных нужд, отрыв власти от общества и почти полное отсутствие контроля общества за действиями власти и возможности донести до власти представление об остроте многих общественных проблем и перспективах их нарастания, именно такая специфика политического устройства страны позволит элите подчинять экономическую политику государства своекорыстным личным и клановым интересам.

К тому же нельзя не видеть и того, что готовность населения к прогрессивным преобразованиям (в том числе у авангардной части общества) значительно ниже, чем на рубеже 80–90-х гг. прошлого века. Сказывается как выявившаяся способность власти парализовать оппозиционные течения, так и заметное улучшение материального положения значительной части населения вследствие бума нефтяных цен. Государство проявило способность не только противодействовать конструктивной политической активизации населения, внедрить в сознание общества представление об безальтернативности существующей системы, но и эффективно использовать возможности подавления существующей малочисленной оппозиции и создавать законные и незаконные возможности для ее силового подавления. Конечно, в перспективе нельзя отрицать возможность появления низового противостояния власти, даже выходящего за рамки сложившихся ныне стандартов правопорядка. В то же время нельзя исключить, что в случае обострения ситуации им воспользуются наиболее радикальные консервативные силы, проникая во власть с целью занять положение нынешней элиты, продолжить паразитирование на пороках системы, даже усугубляя их. Сегодня нельзя ожидать, что российское общество станет в обозримом будущем достаточно зрелым, чтобы воспрепятствовать этому.

Но нельзя исключать и другого: что подобное развитие событий поставит под угрозу положение нынешнего руководства страны и путинская группировка, правильно оценив перспективу общественных потрясений и угрозу появления сил нового тоталитаризма, опасную для нее самой, проявит волю пойти на контакт с конструктивной оппозицией и развернуть вектор развития страны в направлении большей демократии, реального правопорядка, социального благополучия.

Как это ни пессимистично звучит, можно полагать, что России все же предстоит не разовая смена системы, которая обеспечила бы устойчивый прогресс, а череда как новых либеральных (возможно, даже революционных) попыток продвинуть общественное развитие вперед, так и жестких попыток реставрации регресса. Разумеется, Россия в ее дальнейшем историческом развитии в конечном счете не остановится на консервативно-реставрационных позициях и постепенно (а не одним рывком) выйдет на путь реальных прогрессивных преобразований. Следует подчеркнуть, что такой исход оказал бы огромное позитивное влияние на все мировое развитие.

Власть наращивает усилия в борьбе за сохранение существующей общественной системы, прежде всего ее политических устоев, однако в будущем дальнейшее развитие рано или поздно покажет контрпродуктивность такой охранительной тактики, которая может не только предотвратить или загнать вглубь оппозиционные настроения, но и вести к их усилению. Тем более что успехи власти в обеспечении политической стабильности достигаются на фоне ухудшения экономической ситуации и обострения социальных проблем. Тем не менее, не думаю, что в ближайшем будущем экономические трудности спровоцируют серьезный подъем протестного движения, общество к этому не готово. Оно фактически смирилось с коррупцией (кроме реальных борцов с ней), произволом чиновников (хотя в последнее время произошли какие-то сдвиги в сознании элиты и такие отдельные эксцессы иногда осуждаются властью).

В мире немало примеров, когда консервативно-реакционный режим надолго сохраняет свое существование. Однако вряд ли это можно представить себе в отношении России. Концентрация усилий на подавление оппозиционных проявлений может быть на определенное время достаточно эффективной, но история знает разные повороты, и можно привести примеры, когда более умеренные консервативные властвующие группы устранялись из власти более реакционными силами. Полагаю, что В. Путин имеет представление о таких вариантах истории, и было бы желательно, чтобы он пришел к выводу о том, что предпочтительнее вариант оптимизации политической обстановки в стране путем компромиссов между различными политическими силами, принуждения зарвавшихся групп элиты к самоограничению самостоятельно или под соответствующим давлением власти. Это было бы решающим шагом к предотвращению сильных проявлений демократической оппозиционности и к лояльному сотрудничеству оппозиции с властью при условии начала движения власти к оздоровлению страны.

Если рано или поздно смена (а не косметический ремонт) системы будет признана необходимой и неизбежной многими ведущими слоями общества (включая высшую государственную власть), то потребуются определить конкретное направление изменений. Нужно в полной мере представлять себе фундаментальные черты системы, исключаящие прогресс общества:

1. Максимизация присвоения в экстремальных масштабах и асоциальных формах элитой общественного богатства в целях непрерывного обогащения легальными и нелегальными путями с широким использованием государственной машины.

2. Крайне аномальное имущественное расслоение общества, правовое неравноправие его отдельных слоев, сословность и клановость.

3. Стирание граней между крупной частной собственностью и государственной, перетекание частной собственности в государственную и об-

ратно в интересах отдельных государственно-частных группировок в зависимости от того, в каком случае более эффективно может совершаться расхищение общественного имущества.

4. Экстремальный уровень концентрации собственности, монополизм в экономике, резкое ограничение конкуренции, неограниченная власть бюрократии над бизнесом, незащищенность частной собственности вообще, эксплуатация бюрократии предпринимательского класса в виде коррупции, незаконных захватов, сопровождаемая столь же очевидной эксплуатацией собственности государства, перераспределение государственных средств через так называемые откаты и т. д. Этот перечень пороков системы можно было бы продолжать, а также выявлять во всех других областях общественной жизни.

Таким образом, очевидна не только необычайная сложность необходимых преобразований, но и неизбежность ожесточенной борьбы вокруг них. При этом жизненно важно уметь предотвращать перерастание легальной борьбы в нелегальную (насильственную), для чего необходимо расширить, а не ограничивать возможности легальной борьбы. С учетом возможного осложнения социально-политической ситуации можно представить себе совместный поиск власти и оппозиции возможности взаимодействия в деле перестройки системы при условии достаточно энергичного выражения властью неприемлемости реставраторской агрессивности. Весьма трудна, но должна решаться проблема появления конструктивной прогрессивной идеологии, иницируемой сверху и снизу и представляющей собой не набор требований «доверия к власти», не подавление поиска демократических альтернатив, не борьбу с «общечеловеческими ценностями», а признание их. Нужно сделать все, чтобы предотвратить как длительный застой, а точнее, упадок общества, перерастание его в тоталитарное, так и обострение общественных противоречий, которое было бы способно породить экстремистские формы оппозиции вплоть до вооруженного противостояния.
